

ДИСКУРС КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (1) ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ. ОЧАГИ НАПРЯЖЕННОСТИ, ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ

В статье рассматриваются особенности эксплуатации дискурса коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации при реализации технологий политической дестабилизации, вызванные ими региональные очаги политической напряженности в субъектах Российской Федерации, интересанты и исполнители, а также цель и задачи указанной деструктивной деятельности.

Основное содержание исследования составляет обзор теоретических взглядов современной политологической науки на проблематику политической дестабилизации, а также особенности ее реализации в контексте деструктивного влияния на национальную и региональную политику России.

Исследование основано на анализе научных источников, содержащих информацию о проблематике политических технологий, политической дестабилизации и технологий политической дестабилизации, а также открытых источников органов исполнительной власти, нормативных актов федерального и регионального уровня, регулирующих национальную политику в сфере устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

В качестве основных научных методов в данной работе использованы междисциплинарный и ситуационный методы исследования.

Проанализирована деятельность наиболее острых кейсов искусственной дестабилизации и региональные очаги политической напряженности, интересанты и исполнители, а также цель и задачи реализуемых технологий политической дестабилизации.

Результаты данного исследования могут быть использованы при формировании рекомендаций для институтов публичной власти, в компетенцию которых входят вопросы реализации национальной политики.

Ключевые слова: *политические технологии, дестабилизация, внутренняя политика, коренные малочисленные народы Севера, национальная политика.*

Введение. При рассмотрении проблематики современной государственной национальной политики России в контексте обывательского дискурса ее наиболее очевидной областью применения является «южный вектор», сопряженный с деятельностью по умиротворению кризисных ситуаций на Северном Кавказе, процессом социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан из Средней Азии, борьбой с национальным и религиозным экстремизмом и др.

В то же время, не менее приоритетным направлением реализации современной отечественной национальной политики является «северный вектор», призванный обеспечить устойчивость социально-экономического и духовного развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, протекцию их исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

В современных условиях все большую актуальность, приобретает проблематика реализации технологий политической дестабилизации. В особенности, технологий, эксплуатирующих национальный контекст. Указанный вызов требует от институтов публичной власти повышенного внимания, так как имеет серьезный деструктивный потенциал и отличается высокой степенью непредсказуемости сопутствующих негативных последствий для политической системы России в будущем.

В связи с этим представляется целесообразным проанализировать деятельность наиболее острых кейсов искусственной дестабилизации, региональные очаги политической напряженности, примерный перечень заинтересованных и исполнителей, а также приоритетную цель и перспективные задачи реализуемых технологий политической дестабилизации.

Указанное исследование приобретает дополнительную актуальность в контексте эскалации военно-экономического противостояния России и коллективного Запада в условиях проведения специальной военной операции на Украине, а также в связи с председательством России в 2021-2023 годах в Арктическом совете и провозглашением ООН Международного десятилетия языков коренных народов (2022-2032 гг.).

Проблематика дестабилизирующих политтехнологий. М.Г. Анохин в своей работе рассматривает близкое политтехнологиям понятие «технологий политической деятельности», под которым понимается «комплексная система методов и способов воздействия на объект политики с целью достижения определенных целей». Пространством реализации такой системы признается поле активности субъектов по достижению определенного политического результата» [2. С. 102]. По мнению М.А. Казакова, «политтехнологии в контексте алгоритмики являются непосредственной формой политической инженерии, где их применение связано с уровнем специальных компетенций субъекта, а эффективность применения политтехнологий находится в непосредственной зависимости от концентрации как техниче-

ского, так и кадрового потенциала» [8]. Важно отметить, что «потребность в формировании политтехнологий реализуется, когда сформирован базовый набор действий, а также конкретно сформулированы нормативы к условиям и результатам данного типа деятельности» [17. С. 286].

По мнению В.Г. Иванова, политтехнологии несут внутри себя техники как борьбы за власть, так и формирования самой властью ее устойчивых политических систем» [7. С. 26]. Также А.И. Соловьев настаивает на том, что политтехнологии способны действовать как «в режиме замкнутого цикла осуществления процесса, так и в режиме оптимизации локального перечня этапов такого процесса» [17. С. 288]. Также под политтехнологиями может пониматься методология «решения политических проблем, выработки политики, ее реализации, осуществления практической политической деятельности». М.Г. Анохин считает, что политтехнологиями являются «совокупности приоритетных механизмов реализации функций политической системы, направленные на повышение эффективности политического процесса и достижение желаемых результатов в сфере политики. В них включаются уже упомянутые механизмы достижения как тактических, так и стратегических задач» [1. С. 7]. По мнению А.И. Соловьева, «процедуры генерации и реализации политтехнологий могут быть рассмотрены со структурной (выявление знаний о проблеме, поиск оптимальных техник ее решения и технического обеспечения), пространственно-временной (согласование применяемых средств с условиями места и времени) и процессуальной (раскрывает условия формирования параметров достижения целей) позиций» [17. С. 293]. «Реализация новых видов политтехнологий вызывает острую необходимость в обновлении публичного администрирования путем применения специфических механизмов. Важно отметить, что политтехнологии выражаются в качестве структурного продукта, а также непосредственной деятельности, связанной с реализацией основной политической цели» [6. С. 140]. «Политтехнологии нацелены на адресное воздействие в целях изменения общественного поведения, мотивации индивидов, его сознания и подсознания. Также такое воздействие несет побуждающий характер действовать в соответствии с интересами политического субъекта при создании устойчивой уверенности в добровольности личной позиции, естественности совершаемых ими действий» [6]. Как точно заметил в своей работе В.В. Демидченко, политтехнологии обладают как созидательным, так и деструктивным потенциалом. Особое внимание должно уделяться оператору политической технологии, «которым может быть, как частное лицо, так и наднациональный актор, так как с помощью политических технологий одни страны эффективно подрывают идеологии и государственность других стран» [6. С. 142].

Под «политической дестабилизацией ряд отечественных ученых понимает нарушение общественного компромисса, потерю обществом социаль-

но-политической устойчивости, утрату согласованности действий социальных субъектов под влиянием внутренних и внешних факторов, основной целью которой является проведение анализа того, при каких условиях социально-политическая устойчивость снижается ниже допустимого уровня» [9]. К.И. Бабошин определяет политическую дестабилизацию как «утрату публичной властью факторов политической стабильности, в результате чего устойчивость такой власти становятся наиболее уязвимой» [3]. Дестабилизационные процессы «могут происходить в результате социокультурных, экономических или иных естественных метаморфоз. С другой стороны, они с высокой долей вероятности способны быть инициированы преднамеренно через применение политических технологий дестабилизации» [10].

В числе трансляторов таких дестабилизационных политтехнологий особое место занимают средства массовой информации, социальные сети, и иные интернет-площадки, которые стали важной частью как социальной жизни, так и неотъемлемой частью политических коммуникаций.

В то же время, неконвенциональные виды дестабилизационных политтехнологий такие как экономические санкции, несанкционированные акции, цветные революции, террористические акты и прочие виды деструктивной деятельности в настоящее время сохраняют свою актуальность. Научное сообщество стратифицирует дестабилизационные политтехнологии и формы политической дестабилизации по различным основаниям [10. С. 90].

Так, в частности, выдающийся специалист в сфере политической дестабилизации, идеолог концепции цветных революций, профессор Джин Шарп в своих работах предлагает принципиально разграничивать политтехнологии на насильственные и ненасильственные, в следствии чего были описаны одиозные «198 методов ненасильственных действий», которые реализуются как путем «ношения символов, митингов протеста, социального бойкота, так и мятежа и даже создания параллельного правительства» [20; 21].

Согласно позиции А.С. Семченкова, политической дестабилизацией является «спонтанная или инициированная публичными и частными акторами деструктивная активность, приводящая к нарушению устойчивого функционирования политической системы общества» [16].

Дестабилизационные политтехнологии являются специфической деятельностью, которая реализуется участниками внутриполитического и межгосударственного противоборства, а также нацелена на достижение системной дисфункции политической системы. А.С. Семченков группирует их на две самостоятельные категории. Во-первых, это «технологии конкурентной борьбы, направленные на ослабление оппонента посредством сужения его сфер влияния и интересов на международной арене, а также осуществление на его территории эскалации революционных событий, разжигания внутренних кризисов, этноконфликтов и гражданских войн, действий, направленных на разрушение государственности и распространение

деструктивных для стабильного существования государства идеологических конструктов» [16. С. 40]. Во-вторых, это «технологии нелинейных действий, направленные на управление оппонентом, к которым относятся операции по формированию благоприятных стратегических условий, поражению коммуникационных систем, комбинированному воздействию на руководство и систему управления, уже упомянутые выше «цветные революции», «холодные» экономические войны, а также проведение локальных акций и крупномасштабных информационных войн» [16. С. 40]. Современная отечественная политология предлагает массу подходов к группировке дестабилизационных политтехнологий, направленных на ослабления национальных государств. По мнению автора, особого внимания заслуживает классификация, сформулированная А.И. Байгушкиным и Н.В. Загладиным [4].

Дискурс коренных народов Севера при реализации дестабилизационных политтехнологий. Использование национального дискурса при реализации дестабилизационных политтехнологий имеет тесную связь с проблематикой национальной безопасности, а также *этнобезопасности*, под которой Л.В. Савинов предлагает подразумевать «этнополитическое содержание национальной безопасности в контексте этносистемы, сформированной на основе сложного мультикультурного общества» [14].

Под угрозой национальной безопасности Р. Ильман понимает «действие или их совокупность, которые способны фатально и скоропостижно снизить качество жизни граждан государства или сократить маневр политического выбора как правительства государства, так и частных неправительственных образований» [14. С. 74].

Л.В. Савинов в своих работах предостерегает, что политическая безопасность России во многом зависит от эффективности урегулирования «деструктивной деятельности, эксплуатирующей межэтнический контекст, которую фиксируют многочисленные мониторинговые исследования» [14. С. 75].

В частности, особого внимания требуют к себе кризисные события, обусловленные этническим экстремизмом, «основанным на социальном неравенстве экономического, культурного и иного содержания» [14. С. 78].

В частности, при локальном изучении проблематики рассматриваемого вопроса на территории Сибири помимо прочих зафиксированы такие негативные факторы как «деструктивная мобилизация и политизация этничности и этнического самосознания, а также внешнее давление иностранных государств и международных организаций» [15. С. 41].

Возвращаясь к дискурсу коренных малочисленных народов Севера в контексте проблематики национальной безопасности и этнобезопасности стоит сказать, что специфика «крайне гетерогенных этногрупп кроется в аннексии территории их исторического проживания и их инкорпорации в сообщество с этнодоминантами. Со стороны коренных малочисленных народов наблюдается выраженная резистентность инкультурации этниза-

ции, а также процессы ассимиляции, что выражается в требованиях официального признания их языка и культуры» [15. С. 43].

Несомненно, в России, которую населяет 193 народа, «уделяется особое внимание повышению эффективности госполитики устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера» [5. С. 1422].

Представители 47 **коренных малочисленных народов Российской Федерации** (далее – КМН) расселены на территории 34 субъектов Российской Федерации [11]. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, общая численность представителей КМН составила 316 тысяч человек. В свою очередь, в связи с объективно суровыми природными условиями, сложностью традиционной хозяйственной деятельности, а также демографической малочисленностью и социальной уязвимостью среди представителей КМН выделяется самостоятельная группа из 40 этносов [12] – **коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации** (далее – КМНС), которые локально размещены на территории 28 субъектов Российской Федерации [13]. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, общая численность КМНС составила 257 тысяч человек.

На момент написания данной статьи официальные результаты Всероссийской переписи 2021 года еще не опубликованы, их появления с нетерпением ждет широкий пул экспертов для последующей аналитической работы [5. С. 1422].

В Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) на территории Республик Карелия и Коми, Ненецкого автономного округа, Мурманской, Вологодской, Ленинградской и Архангельской (2) областей проживают *вепсы, водь, ижорцы, манси, ненцы, саамы и ханты*.

В Уральском федеральном округе (УрФО) на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Тюменской и Свердловской областей проживают *манси, ненцы, селькупы, ханты и эвенки*.

В Сибирском федеральном округе (СФО) на территории Республик Алтай, Тыва и Хакасия, Красноярского и Алтайского краев, Иркутской, Томской и Кемеровской областей проживают *долганы, кеты, кумандинцы, нганасаны, ненцы, селькупы, теленгиты, телеуты, тофалары (тофа), тубалары, тувинцы – тоджинцы, ханты, челканцы, чулымцы, шорцы, эвенки и энцы*.

В Дальневосточном федеральном округе (ДВФО) на территории Республик Саха (Якутия) и Бурятия, Чукотского автономного округа, Хабаровского, Камчатского, Забайкальского и Приморского краев, Магаданской, Амурской и Сахалинской областей проживают *алеуты, алыторцы, долганы, ительмены, камчадалы, керекы, коряки, нанайцы, негидальцы, нивхи, ороки (ульта), орочи, сойоты, тазы, удэгейцы, ульчи, чуванцы, чукчи, эвенки, эвены (ламуты), эскимосы и юкагиры*.

Также особое место занимает Арктическая зона Российской Федерации, к сухопутным территориям которой относятся территории Мурманской области, Ненецкого, Чукотского, Ямало-Ненецкого автономного округа, части территорий Республик Карелия, Коми, Саха (Якутия), Красноярского края, Архангельской области, а также участки континентального шельфа Российской Федерации [19].

Очаги региональной политической напряженности. На сегодняшний день в Российской Федерации наблюдается ряд региональных очагов политической напряженности, связанный с дискурсом коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Особо стоит выделить следующие.

Так, в **СЗФО** на территории Мурманской области ряд представителей народа саамы продвигают интересы норвежских саамских организаций, выступают против включения саамов в реестр представителей коренных малочисленных народов. Также систематически на платформах международных площадок транслируются обвинения в адрес федеральных и региональных властей России в нарушении международного права коренных народов при разработке месторождений в Арктике.

В **УрФО** на территории Ямало-Ненецкого автономного округа представители «Центра содействия коренным малочисленным народам Севера», который официально ликвидирован в 2019 г., систематически на площадках Telegram-каналов провоцируют конфликтные ситуации, выходящие на международную повестку.

Также в контексте эксплуатации дискурса коренных народов Севера особую озабоченность вызывает финно-угорская тематика при реализации технологий политической дестабилизации в регионах СЗФО и УрФО. Дополнительную актуальность указанной проблематике придает усилившаяся риторика о принятии Финляндия в НАТО. Безусловно, финно-угорский фактор внешнего влияния на политическую дестабилизацию в регионах России требует отдельного глубокого исследования и раскрытия в самостоятельной научной работе.

В **СФО** на территории Республики Хакасии и Кузбасса существует серьезный очаг напряженности, который связан с конфликтом коренных народов и недропользователей. На систематической основе происходят конфликты, когда шорские общины Республики Хакасия выражают недовольство разработкой недр в районе их проживания. Региональные власти, в свою очередь, отмечают, что золотодобытчики получают лицензии на недропользование раньше регистрации шорских общин на территории изысканий.

На платформе YouTube систематически публикуются переводы, видеопроекта, запущенного шорским активистом, покинувшим Россию в 2018 году. В материалах рассказывается о «трагедии шорских деревень», которые якобы засыпаются угольной пылью. Отмечается активная деятель-

ность иностранных средств массовой информации, корреспонденты которых готовят резонансные репортажи о проживающих в Кузбассе шорцах и телеутах, направленные на формирование протестных настроений в российском обществе.

На международном фестивале документального кино о правах человека фильм о систематических нарушениях прав коренного народа – шорцах, проживающих в Кемеровской области и Хакасии, в 2021 году завоевал приз в номинации лучший фильм о социальных, экономических и культурных правах. Также на территории Красноярского края существует очаг напряженности, связанный с экологической обстановкой на Таймыре.

Так, один из проживающих за границей оппозиционных активистов сообщил о том, что возглавляемый им фонд и ряд партнерских организаций обратились к крупнейшим мировым компаниям с призывом оказать давление на руководство «Норникеля» с целью улучшения отношения компании к экологии среды обитания коренных малочисленных народов.

В 2021 году комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) США сообщила, что получила открытое письмо от «некой группы» представителей коренных малочисленных народов Сибири, в котором те просят компанию «Tesla» воздержаться от закупок продукции «Норникеля» до того, пока не будет устранен ущерб от нефтяного разлива на Таймыре.

«Новая газета» в Instagram запустила новый проект об истории «умирающих народов», который носит антироссийский характер и может привести к широкой дискуссии. Авторы выпущенного подкаста указывают, что после разлива дизельного топлива на Таймыре сильно изменил жизнь нганасан, которые не могут ловить рыбу из-за отравления рек и спиваются в этих условиях.

В ДВФО на территории Камчатского края, Магаданской области, Хабаровского края и других приморских регионов дискурс политической общественно-политической напряженности преимущественно связан с проблемами доступа коренных народов к водным биологическим ресурсам. Общественные волнения сопряжены с ситуацией «варварского вылова рыбы» рыбопромышленниками, из-за которых местные жители остаются без средств к существованию. Для того, чтобы получить разрешение на вылов рыбы для пропитания семьи, коренным малочисленным народам необходимо пройти длинный бюрократический путь. По наиболее пессимистичным оценкам местных жителей вопрос стоит не только в невозможности осуществлении традиционного рыболовства, но и вероятности полного исчезновения рыбы.

Интересанты и исполнители. В качестве интересантов и исполнителей технологий политической дестабилизации, эксплуатирующих дискурс коренных народов Севера, выступает ряд различных по уровню политического и финансового влияния акторов.

В первую очередь, речь идет о местных оппозиционных активистах, которые сформировали свою политическую позицию исходя из личных бытовых проблем и конфликтов с местной властью. Ряд активистов являются лидерами общественного мнения, авторитетными представителями своих народов и общин, которые стремятся защитить права своих земляков, но неразборчивы в выборе средств для достижения поставленных целей и зачастую занимают непримиримо антигосударственную позицию. Ряд таких политических активистов подвержены сепаратистским, националистическим и экстремистским идеям.

Часть оппозиционных представителей коренных народов Севера выехали из России и осуществляют свою деятельность заочно при поддержке иностранных фондов, транснациональных корпораций, правозащитных и международных организаций.

В реализации дестабилизационных технологий весомую роль играют международные организации коренных народов, которые позиционируют себя защитниками «угнетенных» коренных народов России. Безусловно, к самостоятельным интересантам необходимо отнести государства Арктики, а также военно-политический блок НАТО, который заинтересован в продвижении своего влияния в северных широтах, а также уже упомянутые иностранные фонды, транснациональные корпорации, правозащитные и международные организации различного уровня и степени влияния.

Цель и задачи. Основной целью реализации указанных выше политических технологий является *каскадная политическая дестабилизация* в стратегически важных суперрегионах Севера, Сибири и Дальнего Востока России в целом и регионах, которые находятся на их территории, в частности. Столь амбициозная цель требует реализации ряда не менее фундаментальных задач.

В первую очередь речь идет о сдерживании экономического развития Российской Федерации, так как субъекты России, где традиционно проживают представители КМНС, имеют богатейший ресурсный, а также промышленный потенциал. Перечисленные выше примеры деструктивной деятельности демонстрируют нарастающую тенденцию искусственного формирования *социального запрета* на добычу и продажу Российской Федерацией дорогостоящих и пользующихся повышенным спросом на международном рынке ресурсов.

Самостоятельной задачей является создание условий по «внешнему» влиянию на местную и региональную власть России в вопросах формирования территориально-административного деления с выделением национальных территорий, что в перспективе может послужить развитию идей национальной автономии и дальнейшему сепаратизму (*внутренне и внешнее самоопределение*).

Безусловно, приоритетными являются задачи по геополитическому давлению на Российскую Федерацию. Особое значение имеет системная

дискредитация политики Российской Федерации в международной сфере через формирование негативного образа России в глазах мирового сообщества. Также дискурс коренных малочисленных народов Севера косвенно, но потенциально может быть использован для ослабления позиций России на территории Арктической зоны Российской Федерации, а также выступать в качестве элемента военного сдерживания в указанном регионе путем ограничений в строительстве военных баз и сопутствующей инфраструктуры двойного назначения.

По сути, приоритетным направлением политической дестабилизации России является *размытие юрисдикции* Российской Федерации в ее арктических территориях, а также ограничения использования Северного морского пути, что в будущем может привести к реализации *наднационального контроля* над Арктикой, о чем уже активно заявляет ряд иностранных аналитиков и маргинальных представителей западного политического истеблишмента.

Предложения. В сложившихся условиях представляется целесообразным озвучить ряд предложений, направленных на противодействие технологиям политической дестабилизации, эксплуатирующих дискурс коренных народов Севера.

Институтам публичной власти от федерального до местного уровня в рамках, возложенных на них полномочий требуется уделить повышенное внимание достижению реальной эффективности государственной политики устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера.

От органов публичной власти также требуется усилить роль инструментов мониторинга интернет-пространства и социальных сетей, а также способствовать развитию сильных аналитических центров по исследованию результатов такого мониторинга и формированию корректных рекомендаций для принятия взвешенных управленческих решений.

Важное значение для местной и региональной власти имеет превентивная работа с местными оппозиционными активистами. Возможно рассмотреть возможность их привлечения к работе лояльных власти организаций, общественных советов, социальных проектов и пр.

Требуется проведение активной работы по устранению негативного влияния многолетней дискредитации политики Российской Федерации в международной сфере, а также преступить к формированию новой концепции политического имиджа России, в том числе через образ «государства-защитника» коренных народов в условиях агрессивной глобализации.

В целом, со стороны властей необходимо применение комплекса мер по противодействию технологиям политической дестабилизации, которые могут носить как зеркальный (симметричный) характер, так и выходить за пределы «навязанных условий» и действовать превентивно на опережение политической обстановки.

Безусловно, вопросы, связанные с актуальными и перспективными технологиями политической стабилизации, а также механизмами противодействия политической дестабилизации в регионах проживания коренных народов Севера требуют отдельного глубоко анализа и будут рассмотрены в самостоятельных научных работах.

В контексте указанного исследования как нельзя наиболее точно звучит тезис Н.С. Толкунова, где он одной из причин социальных катастроф называет «некорректные управленческие решения, угрожающие государственному строю», а в качестве первоочередной задачи видит «заблаговременное выявление и превентивная нейтрализация дестабилизационных элементов» [18. С. 120].

Выводы. Таким образом, в результате проведения исследования сделан ряд выводов, согласно которым приоритетным направлением реализации современной национальной политики России является «северный вектор», призванный обеспечить устойчивость социально-экономического и духовного развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а также протекцию их исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

Технологией политической дестабилизации является особая деятельность, реализуемая участниками внутривнутриполитического и межгосударственного противоборства, которая нацелена на достижение стабильной дисфункции атакуемой политической системы. В числе трансляторов технологий дестабилизации особое место занимают СМИ, социальные сети, и иные интернет-площадки, которые стали важной частью как социальной жизни, так и неотъемлемой частью политических коммуникаций.

Эксплуатация национального дискурса при реализации дестабилизационных политтехнологий имеет тесную связь с проблематикой национальной безопасности, а также этнобезопасности.

На сегодняшний день в Российской Федерации наблюдается ряд региональных очагов политической напряженности, связанный с дискурсом коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В качестве интересантов и исполнителей технологий политической дестабилизации, эксплуатирующих дискурс коренных народов Севера, выступают разнообразные политические субъекты начиная с местных оппозиционных активистов и заканчивая агентами коллективного международного сообщества и аффилированных с ним организаций.

Основной целью деструктивных политтехнологий является достижение устойчивой политической дестабилизации в суперрегионах Севера, Сибири и Дальнего Востока России. В первую очередь речь идет о сдерживании экономического развития Российской Федерации, так как субъекты России, где традиционно проживают представители КМНС, имеют богатейший ресурсный, а также промышленный потенциал.

Самостоятельной задачей является создание условий по «внешнему» влиянию на местную и региональную власть России в вопросах формирования территориально-административного деления. Также приоритетными являются внешнеполитические задачи по геополитическому давлению на Российскую Федерацию.

Дискурс коренных малочисленных народов Севера косвенно, но потенциально может быть использован для ослабления позиций России на территории ее Арктической зоны, целью которой является размытие юрисдикции Российской Федерации на суверенных арктических территориях.

В сложившихся условиях представляется целесообразным институтам публичной власти от федерального до местного уровня в рамках, возложенных на них полномочий требуется уделить повышенное внимание достижению реальной эффективности государственной политики устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера.

Также от органов власти требуется усилить роль инструментов мониторинга интернет-пространства и социальных сетей, а также способствовать развитию эффективных аналитических центров по исследованию результатов такого мониторинга и формированию корректных рекомендаций для принятия взвешенных управленческих решений.

Необходимо проведение активной работы по устранению негативного влияния многолетней дискредитации политики Российской Федерации в международной сфере, а также преступить к формированию новой концепции политического имиджа России, в том числе через образы защиты коренных народов в условиях глобализации.

В целом, со стороны властей необходимо применение комплекса технологий по противодействию технологиям политической дестабилизации, которые могут носить как зеркальный (симметричный) характер, так и выходить за пределы «навязанных условий» и действовать превентивно на опережение изменчивой политической обстановки.

По существу, дополнительно представляется целесообразным выдвинуть предварительную гипотезу о том, что помимо адресной борьбы с дестабилизационными политтехнологиями, эксплуатирующими дискурс коренных народов неотъемлемой задачей институтов публичной власти является адресное устранение недостатков государственной политики, а также превентивная профилактическая работа по модернизации действующих положительных инициатив государства в сфере устойчивого развития коренных народов Севера.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (КМНС).

(2) Несмотря на то, что Архангельская область является субъектом Российской Федерации, в котором проживают ненцы, он не включен в перечень

мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Анохин М.Г. Современные технологии эффективной политики. М.: РУДН, 2008. Т. 239.
2. Анохин М.Г. Политические технологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2000. № 2.
3. Бабошин К.И. Социально-политическая стабильность в современной России // Автореф. дис.... канд. соц. наук. 2005.
4. Байгушкин А.И., Загладин Н.В. Факторы и акторы дестабилизации: опыт прошлого и современность // Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2011.
5. Буров А.С. Актуальные аспекты государственной политики устойчивого развития коренных народов Севера в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. № 4 (85).
6. Демидченко В.В. Понятие политических технологий: сущность, формы и виды // Власть. 2015. № 12.
7. Иванов В.Г., Долгова Т.В. Фактор гражданских политических технологий в демократическом процессе // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2013. № 2.
8. Казаков М.А., Зубкевич А.А. Манулятивные технологии и имиджевые коммуникации на этапе смены идеологии развития политических лидеров и элит современной России // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 4.
9. Коротаев А.В. и др. Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. ООО «Издательство Учитель», 2017.
10. Орлова С.В. Технологии дестабилизации политических режимов в XXI веке // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 3 (27).
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации».
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2006 г. № 536-р «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».
13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 г. № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и тра-

диционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации».

14. Савинов Л.В. Национальная политика и этнобезопасность // Вестник Российской нации. 2021. № 3.

15. Савинов Л.В. Региональная этнополитическая безопасность: пример Сибири // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 4.

16. Семченков А.С. Противодействие современным угрозам политической стабильности в системе обеспечения национальной безопасности России. М.: МГУ имени МВ Ломоносова, 2012.

17. Соловьев А.И. Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект-пресс, 2000.

18. Толкунов Н.С. Региональная этнобезопасность и стабильность // Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы. 2019.

19. Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации».

20. Шарп Д. 198 методов ненасильственных действий по книге «Политика ненасильственных действий». 1973.

21. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. США: Институт им. Альберта Эйнштейна, 1994.

A.S. BUROV

*Postgraduate student, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

DISCOURSE OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH DURING THE IMPLEMENTATION OF TECHNOLOGIES OF POLITICAL DESTABILIZATION POINTS OF TENSION, GOAL AND TASKS

The article discusses the discourse of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation in the implementation of political destabilization technologies, the regional hotbeds of political tension caused by them in the constituent entities of the Russian Federation, the interested parties and performers, as well as the purpose and objectives of the considered destructive activity.

The main content of the study is an overview of the theoretical views of modern political science on the problems of political destabilization, as well as the

features of its implementation in the context of a destructive influence on the national and regional politics of Russia.

The study is based on the analysis of scientific sources containing information on the issues of political technologies, political destabilization and technologies of political destabilization, as well as open sources of executive authorities, federal and regional regulations governing the national policy in the field of sustainable development of indigenous peoples of the North, Siberia and Far East of the Russian Federation.

Interdisciplinary and situational research methods are used as the main scientific methods in this work.

The activity of the most acute cases of artificial destabilization and regional hotbeds of political tension, interested parties and performers, as well as the purpose and objectives of the implemented technologies of political destabilization are analyzed.

The results of this study can be used in the formation of recommendations for public authorities, whose competence includes the implementation of national policy.

Key words: *political technologies, destabilization, domestic policy, indigenous peoples of the North, national policy.*